

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ

книги **В.П. Макаренко**
**«Научно-техническая контрреволюция:
идеи М.К. Петрова как источник мысли»**
в Ростовской государственной публичной библиотеке
10 февраля 2012 г.

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует стенограмму обсуждения книги В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли», состоявшегося 10 февраля 2012 года в Ростове-на-Дону.

Ключевые слова: научно-техническая контрреволюция, петрововедение, школа мысли.

Участники:

Берлявский Л.Г., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Владимирский Б.М., доктор биологических наук, профессор (ЮФУ).

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Ерохин Н.Е., ученый секретарь вузов Южного федерального округа РФ.

Ерыгин А.Н., доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Лубский А.В., доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ).

Макаренко В.П., доктор политических и доктор философских наук, профессор (ЮФУ).

Муза Д.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет» (Донецк, Украина).

Старостин А.М., доктор политических наук, профессор (СКАГС).

Тищенко Ю.Р., кандидат философских наук, доцент (ЮФУ).

Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, очередное заседание клуба «Интеллектуальный Ростов» посвящено обсуждению моей книги. Я уже немного рассказал о ней в интервью по телеканалу «Россия-24. Дон» 17 января 2012 года. Вести заседание будет профессор Анатолий Владимирович Лубский.

А.В. Лубский. Коллеги, выбор темы неслучаен. В апреле этого года исполнится 25 лет со дня смерти Михаила Константиновича Петрова, русского философа, историка, теоретика науки и культуры. Отдельным аспектам его жизни и творчества посвящены десятки работ. Но обобщающими можно назвать лишь брошюру Светланы Сергеевны Неретиной «Михаил Константинович Петров: жизнь и творчество» и совместную работу покойного Виктора Николаевича Дубровина и Юрия Романовича Тищенко «Михаил Константинович Петров – два эпизода и вся жизнь». В.П. Макаренко рассматривает идеи Петрова в ином ракурсе.

В отечественном интеллектуальном дискурсе существуют различные трактовки творчества М.К. Петрова. Одни считают Петрова знаковой фигурой советского философского дискурса, в котором слова-фигиции доминировали над словами-предметами. При этом советский дискурс рассматривается как язык интеллигенции без корней, религиозной веры, неба и земли. Другие полагают, что Петров занимает уникальное место в отечественном интеллектуальном пространстве XX века. Этой точки зрения придерживается и автор книги, которую мы будем обсуждать.

В начале обсуждения книги я хочу привести отрывок из письма Вяземского Пушкину: «Дорогой Саша! Откуда у тебя столько оригинальных мыслей?» Пушкин отвечает Вяземскому: «Дорогой друг! Я их нашел в чужих книгах». Этот пассаж напрямую связан с тематикой работы В.П. Макаренко – идеи Петрова как источник мысли. Поводом для обращения Макаренко к творчеству Петрова послужила неполнота, несостоятельность, сомнительность предшествующих интерпретаций. Речь идет о трактовках творчества Петрова как культуролога и семиотика. Как считает Макаренко, эти трактовки должны сопровождаться обнаружением принципиальных отличий теории Петрова от концепций Ильенкова, Лосева, Бахтина, Лотмана. В связи с этим автор предлагает новый методологический конструкт научно-биографического исследования в контексте социокультурной ситуации, в контексте сопоставления биографии Петрова с биографиями других мыслителей и советских философов. По замыслу автора, этот конструкт должен преодолеть односторонности тех подходов в научно-биографическому изучению творчества Петрова, которые основываются на презумпции благоговения или на презумпции подозрительности. Реконструкция идей Петрова осуществляется в рамках данной методологической установки. Это позволило автору предложить иной ракурс интерпретации творчества, в центре которого находятся идеи Петрова как порождатели новых мыслей. Какие мысли родились у В.П. Макаренко после реконструкции идей Петрова в контексте социокультурной ситуации? – лучше всего расскажет он сам.

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, мне очень приятно, что вы пришли сюда. Я испытываю волнение от того, что приходится писать о человеке, которого мне трудно назвать своим учителем. Я слушал его лекции всего полтора года. Но у каждого есть нравственный и познавательный ориентир в жизни. Михаил Константинович, да еще один-два человека, которых я встретил на протяжении жизни, были, есть и будут для меня ориентиром в сферах этики, познания, отношения к действительности. В этой связи напомним, что в 2010 году под редакцией Светланы Сергеевны Неретиной вышла в Москве коллективная монография о М.К. Петрове. Мою книгу я не могу считать законченной. Некоторые главы я оставил «на потом» – они не были готовы для публикации. В Северо-Кавказском НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета в конце 2010 года создана совместная с Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники

РАН лаборатория по истории, философии и социологии науки. Моя книга – первый труд этой лаборатории.

Книга посвящена реконструкции концепта научно-технической контр-революции в трудах М.К. Петрова. Я рассмотрел проблемы социокультурного фона его творчества, ментальности, феномен служения государству и социальные следствия этого феномена, дискуссии о состоянии науки в современной России, модели научной политики и реального поведения индивидов в условиях массовой науки, коллаборационизм научно-технической и гуманитарной интеллигенции.

Основой книги являются мои статьи 2000-2010 годов. Первые варианты статей я излагал в виде докладов на чтениях, посвященных памяти Петрова. Такие чтения ежегодно проводятся на факультете философии и культурологи. Хочу поблагодарить присутствующих здесь коллег-фило-софов, которые причастны к организации чтений – Геннадия Драча, моего старого коллегу, Александра Ерыгина, с которым мы со студенческой скамьи переругиваемся или, наоборот, питаем друг к другу приятные чувства. Это – как в семье – всегда так бывает, когда люди по сорок и более лет знают друг друга. Коллеги-философы первыми слушали идеи, которые обобщены в книжке. Первыми вступали со мной в дискуссию. Их возражения стимулировали доводку начальных соображений до уровня публикаций. Постепенно цикл статей приобретал очертания книги. Здесь материал впервые собран под одной обложкой, хотя, повторяю, некоторые главы не вошли в книгу.

К настоящему времени уже обозначился круг авторов-петрововедов – я имею в виду покойного Виктора Николаевича Дубровина, Александра Павловича Огурцова, Юрия Романовича Тищенко и других. Я не назвал Александра Николаевича Ерыгина, а кого я еще не успел назвать? (**Голос из публики:** Мирского!) Мирского Эдуарда Михайловича. Но больше всех сделала для создания традиции разработки наследства Петрова Светлана Сергеевна Неретина. Она создала оптику восприятия и интерпретации его творчества. Хочу поблагодарить ее сердечно.

В большинстве посвященных Петрову публикаций он квалифицируется как культуролог. Однако профессор Валерий Савчук показал, что современная российская культурология является «дитём» советской системы идеологического воздействия, формой выживания различных советских идеологических дисциплин. Поэтому квалификация Петрова как культуролога нуждается в уточнении. Я это осознал после смерти Михаила Константиновича. Так случилось, что в одну неделю умерла моя мама, затем Михаил Константинович. Эти две смерти в моей памяти переплелись. После смерти Петрова нежданно-негаданно его хулители и гонители стали петь ему панегирики за разработку теории культуры. От этого у меня возникла изжога. О ней я впервые сказал на Третьем Всероссийском философском конгрессе и выдвинул тезис: Петров является ученым и мыслителем мирового ранга; его теоретическое наследство можно разрабатывать в нескольких направлениях. В книге они перечислены. Каждое направление разработки наследства Петрова можно развернуть в особую научно-исследовательскую программу. набросок такой программы я предлагаю в этой книге.

Одна тема имеет ключевое значение для организации материала. В 1965 году Петров писал: «Прежние формы подавления мысли носили оча-говый характер. Под угрозой крупных неприятностей запрещалось публично размышлять над «решенными» вопросами. Подобные подходы, скорее, деформировали и уродовали мысль, но никогда, по существу, не преследовали задачу уничтожения мысли как таковой». Не буду продолжать цитату – каждый может прочесть в книге. Короче говоря, все творчество Михаила Константиновича пронизано иронией в отношении любых «решенных» вопросов. По его мнению, ни один вопрос социальной жизни не может считаться решенным. Обращаю внимание, что большинство известных деятелей XX века, претендующих (как сказал бы Гегель) на всемирно-исторические

высоты, думали иначе. Поэтому история прошлого столетия может быть обозначена как множество претензий на абсолютное решение. В этом смысле объект рефлексии Петрова не исчез. Особенно на фоне современной пропаганды ностальгии по СССР внутри страны и использования культурно-цивилизационных сюжетов во внешней политике России.

Этот отрывок можно понять как программу исследования всех прежних и современных форм подавления, уничтожения, дренажа и парализации мысли. Исходный вопрос я формулирую так: «Сколько миллионов людей подверглось духовному оскотлению в нашей стране после 1917-го года, и как духовные скопцы воздействуют на нынешнее поколение жителей России и всей постсоветской ойкумены?» Вместо обсуждения этого вопроса по телевидению идут сюжеты о плотской импотенции. Но проблема духовной стерилизации не менее важна. Например, В.В. Налимов пишет: «Диктатура большевистской партии пала, но к этому времени практически уже не осталось духовно подготовленных представителей свободной мысли». Относительно Европы Петер Слотердаик добавляет, что те, кто одержим правом на свободную значимость, не способны быть субъектами регулируемого государства и оказываются вечно беспокойными и некастрируемыми анархистами.

Отсюда вытекает общий «евразийский», так сказать, вопрос: «Сколько к настоящему времени свободомыслящих осталось в России, а не кастрированных анархистов в Европе и Азии?» Вопрос не праздный. Галина Александровна Комарова показала, что большинство членов научного сообщества России любые новые идеи встречает в штыки. По ее мнению, одна из причин состоит в том, что советская власть отучала граждан от саморефлексии в общественной и интеллектуальной жизни, боялась любых новшеств, хотела только порядка и спокойствия. Попытки самостоятельного переосмысления были крайне редкими, всегда вызвали резкий отпор системы и сильное сопротивление среды. Нынешняя российская академическая среда – часть советского общества. Поэтому серьезная методологическая рефлексия пугала и до сих пор пугает большинство ученых. Значит, само научное сообщество может быть формой подавления мысли.

Обращаю внимание, что эти качества науки Петров обсуждал пол-столетия назад. Он квалифицировал большинство научного сообщества как «научное поголовье». В этом смысле для меня было важно показать: то, что он писал, говорил на лекциях, коллегам в общении, – не является чем-то совершенно оригинальным и самобытным. Я фиксирую совпадение его идей с идеями выдающихся художников, ученых и мыслителей XX века – Чеслава Милоша, Льва Ландау, Пьера Бурдьё и др.

Идеи Михаила Константиновича – не нечто из ряда вон выходящее, а массивная атака на множество стереотипов, которые Платон называл «устоявшимися обыкновениями». Напомню, что Петров считал главной задачей философии обоснование культурных революций и социальной критики. Он об этом писал специально, в статье «Научно-техническая революция и философия». Этим объясняется подзаголовок моей книги – «идеи Петрова как источник мысли». С.С. Неретина пишет о том, что наступает момент оглядки, когда обнаруживается, что труды Михаила Константиновича Петрова – надежный источник мысли. Одним из источников является концепт научно-технической контрреволюции, который я реконструировал в трудах Петрова. Я попытался в книжке объединить ряд идей Петрова в познавательную целостность. На три четверти книга опубликована в центральных журналах, а также в интернете.

Last but not least – я хотел бы поблагодарить присутствующую здесь мою Таточку – жену, Татьяну Александровну Марченко. Она всегда поддерживала, в самую крутую минуту, все мои начинания, в том числе – это.

А.В. Лубский. Коллеги, какие будут вопросы?

А.М. Старостин. Виктор Павлович, два вопроса. В книге вы правильно сказали, что есть много вещей, которые вызывают изжогу, аллергию органическую, нерв, который болит и его надо удалить. Но есть ли у вас позитивный образ науки? У вас все не годится, неправильно, не так. А какую науку вы бы хотели видеть? Мне это вдвойне интересно, потому что я в двух вузах проректор по науке, ищу некий позитивный прикладной образец. А что мне строить – в оправдание для тех, кого я выпускаю? Можно вам заказать такой проект? Здесь сидящие разрабатывают для аспирантов философию и историю науки. Как вы позиционируете себя по отношению к Холтону, к Куну?

В.П. Макаренко. Я согласен с идеями Петрова относительно науки. Но предлагаю их дополнить соображениями Льюиса Хайда. В его книге «Дар. Как творческий дух преображает мир» (вышла на русском языке в 2007 г.) есть глава, в которой наука рассматривается не столько как область конкуренции, сколько как сфера и чувство солидарности, объединяющее людей. К сожалению, коммунитарный идеал воплотить трудно. Когда я сошелся с Татьяной Александровной и начал ей развивать идеи братства по познанию, она отвечала: «Ты идеалист, такой науки не бывает, наука – удел одиночек». Я с этим не согласен. Но отдаю себе отчет, что создать исследовательский коллектив – дело сложное, и это может быть предметом особого разговора. Однако уже есть теоретические альтернативы конкурентной модели науки. Одна из них содержится в книге Хайда. Давайте устроим семинар на эту тему, обменяемся мнениями по поводу концепций, которые позволяют дистанцироваться от привычного положения вещей, к которому все привыкли.

А.М. Старостин. А второй вопрос – про Холтона, Куна?

В.П. Макаренко. Мне ближе концепция социокультурных оснований науки Уоррена Хагстрема. В эти основания входит солидарность людей, для которых познание – главная цель. Напомню – Михаил Константинович отвергал «науку для должности». Вот это и есть позитивная программа. Я об этом пишу в книге.

Г.В. Драч. Было бы интересно услышать: в каком контексте используется у Петрова термин «контрреволюция»?

В.П. Макаренко. Из содержания статьи «Научно-техническая революция и философия» вытекает концепт научно-технической контрреволюции. Та программа, которая содержится в этой статье, показывает, к чему Петров относился отрицательно.

Г.В. Драч. Аспекты исследования эксплицированы по Петрову или с позиции автора?

В.П. Макаренко. С первой книжки «Анализ бюрократии в ранних работах Карла Маркса» у меня сформировался определенный способ работы. Присутствующий здесь Юрий Романович Тищенко не даст соврать. Спустя лет двадцать после выхода книги он спросил: «Витя, как ты увидел то, что я, преподавая историю марксистской философии, не видел?» Речь идет о моем растворении в тексте как определенном способе интеллектуальной работы. Тогда содержание текста (в случае моей первой книги это работы молодого Маркса), поток мыслей, быт, повседневная жизнь и интерпретация текста совпадают. Но лейтмотивом быта и жизни является текст. Это что-то сродни тому бормотанию, из которого потом появляются стихи. Некий транс, в который можно впадать. Однако такой способ работы довольно грубой. Первая моя книга составляла десять печатных листов, около 240 страниц на машинке. А черновики было в десять раз больше. Я с тоской посмотрел на них и пошел пьянствовать в ближайшую синагогу – так называлась пивная, расположенная рядом с Ростовской синагогой. Покойный Вадим Пугин меня называл: «Витя, ты экзегет». Речь идет о глубинном, лучше сказать – бездонном, погружении в текст. Я это уподобляю труду шахтера или водолаза. Потом я узнал, что есть герменевтический метод. Такой способ работы мне ближе всего. Поэтому скажу определенно, что основные идеи моей книги вытекают из текстов Михаила Константиновича.

Г.В. Драч. Но у Петрова присутствовал концепт научной революции. Он был введен исследователями науки, у Налимова, у Прайса. И картина получается совершенно иная, если признавать Петрова историком науки (**А.Н. Ерыгин.** Оригинальная!) Ну, это – можно спорить. Совершенно другие аспекты. Учитывается ли его концепция, взгляды на историю науки, на научную революцию? И вообще – как понятие контрреволюции соотносится с понятием революции? Из какого из них ты исходишь? Берешь у Петрова или сам?

В.П. Макаренко. Глава третья книги называется «Концепт научно-технической контрреволюции». Там все написано. Напомню, в советское время лозунг научно-технической революции писался на всех заборах. В 1977 году я участвовал в одной из школ молодых ученых. И у одного из лекторов спросил: «Если происходит научно-техническая революция, то кто же в ней является революционером?» Этот профессор, референт ЦК, начал вертеть вола. Присутствующие здесь представители среднего и старшего поколения помнят, что идея об ученых как революционерах проходила по разряду ревизионизма: считали, что враги советского государства развивают такую идею. Вот эту ситуацию я анализирую.

Г.В. Драч. Я не это хотел спросить. Есть Нидам, Прайс, Джон Бернал и Эйнштейн, масса работ в области классической науки, включая и ту науку, которая развивалась в Советском Союзе. Петров здесь был немалый авторитет и специалист. И я вновь настаиваю на том, что это абсолютно иная история науки. Почему выбран именно такой аспект? Или не учтены классические работы?

В.П. Макаренко. Есть французская пословица: каждая женщина не может дать больше, чем у нее есть. Я не женщина и еще больше отклоняюсь от французской пословицы. Моя задача: анализ форм подавления, паралича, парализации мысли. Этой цели я подчинял свой способ работы. Игорь Сергеевич Дмитриев прислал статью, в которой дает новую версию научной революции. Мы опубликуем ее в журнале и тогда поговорим о старых и новых концепциях. Я сейчас об этом говорить не буду, потому что тогда нам вместо темы, ради которой мы собрались, надо начинать говорить о совершенно других вещах.

А.Н. Ерыгин. У меня два интимных вопроса, раз уж Виктор Павлович меня упомянул в своей книге. Я имею право иметь отношение к тому, что обо мне говорится. Первый: дискуссия о российской ментальности, в которой мы с тобой вместе участвовали и которую ты создал, и меня туда с Липовым втянул. Мы участвовали, к счастью или к несчастью. Но каким образом, с точки зрения основного названия книги – «Научно-техническая контрреволюция», попала в книгу дискуссия о российской ментальности? Как она вписывается в книгу? Второй вопрос: на странице шестьдесят четыре описывается то, что вы там говорили, и ты пишешь, что я развил концепцию русского логоса, которую ты дальше кратко... (**В.П. Макаренко.** Это начинал покойный Георгий Гачев.) Концепцию русского логоса ты приписал мне: «Концепция русского логоса была развита Ерыгиным». Как ты нашел у меня концепцию русского логоса?!

А.В. Лубский. Александр Николаевич, просто ты, наверное, не понимаешь, что ты сделал. (*Смех, шум, аплодисменты.*)

А.Н. Ерыгин. Я очень хорошо знаю, что я сделал. То, что я сделал – намного серьезнее того, о чем пишет Виктор Павлович. (**А.В. Лубский.** Он тебя хвалит, а ты обижаешься.) Там сначала описывается Гачев, – что сделал он, затем я, и нас вместе объединяют в одну общую компанию... (**В.П. Макаренко.** А ты не хочешь состоять в такой компании?) Я концепцию русского логоса не создавал. (**А.В. Лубский.** Ты не хотел, но создал.) (*Громкий общий смех.*)

В.П. Макаренко. На что же мне отвечать?

А.Н. Ерыгин. Сначала о дискуссии: какое отношение имеет эта дискуссия к идеям Петрова и к научно-технической контрреволюции?

В.П. Макаренко. Тема ментальности интересна тем, что безмолвствующее большинство играет роль тормозов в отношении большинства концептов, которые высказываются религиозными вождями, политиками, моралистами, философами, учеными. Часто ментальность рассматривается (например, в школе Ю. Лотмана) как знаковая реальность. Я об этом пишу в первой главе книги. Мне представлялось важным обозначить возможность другого подхода к проблеме, заявку на который дал Михаил Константинович. Можно работать иначе, не сводить ментальность к знаковым формам. С этой точки зрения есть совершенно определенная содержательная и методологическая связь с названием книги. Есть и другие, но я сейчас о них говорить не буду. (**А.Н. Ерыгин.** Понятно.) А вторая часть вопроса: можно ли твое утверждение понимать так, что я неправильно тебя классифицировал? (**А.Н. Ерыгин.** Да, неправильно. Ерыгин не создал...) Хорошо. В следующем издании книги (*общий смех*) я учту результаты сегодняшнего обсуждения и – спасибо за подсказку – поразмыслию специально: отличается ли твоя концепция от других... Ты имеешь в виду, что если ты не развивал концепцию русского логоса, то потому, что Россия является частью Европы (**А.Н. Ерыгин.** Несомненно.), и с этой точки зрения все разговоры о «русском логосе» являются дискуссионными? Всё, тогда я внесу уточнения.

А.В. Лубский. Александр Николаевич, ну будет же плохо, если он напишет, что профессор Ерыгин пытался развить идею русского логоса, но не развил. (*Шум. Неразборчивые возражения А.Н. Ерыгина.*)

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, я уже вам этот вопрос задавал на прошлой конференции. Но оказалось, что стержнем этой книжки является обсуждение проблемы преодоления духовной кастрации. (**В.П. Макаренко** (*смеясь*). Что за чепуха?) Нет, если мы считаем, что было произведено духовное оскопление... Это так? (*Пауза.*)

В.П. Макаренко. Игорь, я ссылаюсь на работы В. Налимова, в которых он пишет, что в России почти не осталось свободомыслящих. О кастратах пишет Петер Слотердаик. Я отталкиваюсь от этой констатации и показываю способы анализа проблемы. Решаю методологическую задачу – пытаюсь указать ряд направлений анализа. Не утопить, а обострить проблему.

И.Д. Коротец. Хорошо. Но как понимать духовность?

В.П. Макаренко. Этот вопрос никогда меня не интересовал. Для ответа на него можно сходить в церковь, почитать душеспасительные рассуждения, потрепаться с женой, надраться с другом или в одиночку, уйти в себя или в пустыню, – разные есть способы... Мне это не интересно. (*Неразборчивое многоголосье.*) Не знаю... Не могу ничего сказать на тему духовности. Есть охотники на эту тему поговорить, я к ним не принадлежу. (**А.Н. Ерыгин.** Вообще-то, ты начал с духовного оскопления...) Да, есть «духовное оскопление» и есть его причины. (*Шум.*) Вопрос Игоря сформулирован на основе определенного понимания духовности, с которым я не согласен. Думаю, что Налимов развивал совершенно другую концепцию. Он принадлежал к мистическому анархизму; это требует специального анализа. В эту тему я не могу сейчас углубляться. Здесь присутствует Елена Всеволодовна Золотухина – она недавно книжку написала о Налимове, я еще не успел прочитать. Вот у нее, Игорь, и спроси. Меня интересует другая тема – насколько концепция Налимова отличается от концепции анабаптистов и других мистических течений? Ведь оттуда как раз выводился революционный потенциал массовых движений. Но эту тему я в книжке не рассматриваю.

Л.Г. Берлявский. Виктор Павлович, мы внимательно прочитали книжку вашу, и все-таки – к каким понятиям вы сводите концепт научно-технической контрреволюции? Сейчас вы пояснили, что это одна из форм подавления мысли (**В.П. Макаренко.** Да.) Потом на страницах 141-142 вы, ссылаясь на Петрова, упоминаете, что государство – главный агент научно-технической контрреволюции (**В.П. Макаренко.** Да, это его идея.) Есть еще одна

идея – экстенсивной модели онаучивания. (**В.П. Макаренко.** Да.) Правильно ли я понял, что все это входит в этот концепт, или вы что-то еще туда вкладываете?

В.П. Макаренко. Я не успел вставить в книжку концепцию национальной самокритики М.К. Петрова и некоторые другие вещи. Михаил Константинович проводил различие между экстенсивным и интенсивным способом научно-технической революции. Он резко критиковал не только способ связи науки с производством, но и традиционный способ социального бытия, к которому вынуждена приспосабливаться наука. Это тоже особый предмет разговора. В главе о техно-якобинцах я рассматриваю различные формы взаимосвязи между наукой и производством, наукой и военным делом и следствия, которые из них вытекают.

Д.Е. Муза. Уважаемый Виктор Павлович! Хочу выразить Вам слова искренней благодарности за весьма интересную и важную книгу. Она нужна как преподавателям и студентам, так и молодым ученым. В украинских вузах, как и в российских сейчас читается курс «Философия науки и техники», в котором так же делается ударение на социокультурных аспектах развития науки и техники. Ваша монография затрагивает ряд острых и не до конца проясненных вопросов о состоянии современной российской науки, об исторических и системных причинах ее нынешнего этапа на фоне динамики мировой науки.

На мой взгляд, кроме блестящей интерпретации работ М.К. Петрова (о научной политике как практике «активного вмешательства в тонкие процессы творчества»; о научном кодировании; о переходе «малой» университетской науки в «большую», государственную науку; о феномене научно-технической контрреволюции), Ваша работа содержит ряд любопытных наблюдений и обобщений. Среди них я бы выделил: 1) тезис о том, что государство – главный агент научно-технической контрреволюции; 2) акцентуацию внимания на «комплексе служения государству» в российской и украинской науке (на примере деятельности академика В.И. Вернадского); 3) иллюстрации к положению о неравномерном развитии науки при разных политических режимах и конфессиональных традициях (прежде всего английская, французская и российская модели взаимодействия науки и государства).

Но самое, пожалуй, важное состоит в Вашем вопросе: можно ли изменить поведенческие и психологические стереотипы ученых, исторически прочно связанных с политизацией деятельности? Ответ на этот вопрос, очевидно, нужно искать прямо сейчас, преодолевая инерцию стереотипов, например, «осажденной крепости».

Тем не менее, в контексте развития американской модели развития науки прозвучал ошеломляющий тезис П. Фейерабенда о том, что «в науке, как и в любой другой идеологии, нет ничего такого, что содействует свободе». И далее, как известно, следует его программа отделения науки от государства... Отсюда мой вопрос к Вам: может ли наука (= идеология) в принципе защитить личность, или её функция «научного кодирования» все же работает с «поголовьем», а не конкретной «головой», тем более, оставляя ей минимальный люфт свободы (институционально и ценностно)?

В.П. Макаренко. Спасибо за квалифицированный вопрос, Дмитрий Евгеньевич. Он отличается от предыдущих вопрошателей и совопросников и требует обдумывания. Пока возьму пример с Хомы Брута и ограничусь риторикой: наверное, не может. Ведь большинство ученых пошли в холуи государству – сознательно или бессознательно. Напомню, что только Лев Ландау вышел из советского атомного проекта, едва представилась такая возможность после смерти сына осетинского гуталинщика (по определению А.И. Солженицына). На мой взгляд, определить «люфт свободы» можно тогда, когда сопоставляешь научное творчество с другими видами творчества. Для меня научное творчество было и будет одним из доменов свободы – от государственных заказов сверху и сбоку, от господствующих интеллектуальных мод, от связи науки с производством и тому подобных феноменов, описанных Петровым.

А.В. Лубский. Коллеги, есть еще вопросы? Вопросов нет. У кого появятся еще вопросы к Виктору Павловичу, подавайте в письменном виде, он в конце на них ответит. Я хочу с вами посоветоваться: поскольку нормальный человек продуктивно может мыслить не больше 15 минут (*смех*), то будем делать перерыв. Или не будем, Виктор Павлович? (**В.П. Макаренко.** Сейчас не будем. *Шум.*) Тогда приступим к обсуждению и начнем с...

В.П. Макаренко. Уважаемые коллеги, на книжку уже поступили рецензии от ведущих специалистов в сфере истории, методологии и философии науки...

И.Д. Коротец. Виктор Павлович, а не получается, что вы сами используете приемы научной контрреволюции?

В.П. Макаренко. Не получается.

Г.В. Драч. А зачем? (*Шум.*) Дайте нам возможность вначале сказать то, что мы думаем, без ссылок на авторитеты. Я пришел вашу книгу обсуждать...

В.П. Макаренко. Никто ни на кого авторитетом не давит; эти люди являются участниками *дискуссии*, вот о чем идет речь.

Г.В. Драч. Не захотим – не прочитаем.

А.В. Лубский. Коллеги, я думаю, мы будем соблюдать определенный политес. Мы заранее попросили С.С. Неретину и А.П. Огурцова выступить на обсуждении, но в силу того, что они не смогли приехать, они прислали рецензии и статьи. И с нашей стороны было бы не этично не послушать их. (**Г.В. Драч.** Но давайте сначала обсудим...) Если мы не хотим работать в ключе контрреволюции, то должны послушать разные мнения, в духе Петрова, который отказывался от окончательного решения, как Макаренко сказал, любых вопросов социальной жизни, развития науки и т.д. Но если вы возражаете, мы найдем другой способ решения¹.

Теперь сделаю две ремарки. Первая касается того, что при чтении чужих книг часто возникают идеи, на первый взгляд, вообще не имеющие отношения к содержанию книги, и тогда очень трудно отличить, где идеи автора, а где – интерпретация этих идей интерпретатором. Во-вторых, любая интерпретация чужой книги, чужого текста, всегда, к сожалению, претендует на адекватность. Но любая интерпретация – это всего-навсего деконструкция текста. Это, примерно, то, чем занимался Виктор Павлович, обнаружив истоки русского логоса в работах Александра Николаевича. Это деконструкция текста, т.е. вычитывание из текста того, о чем автор даже, иногда, и не догадывался. Поэтому никакие интерпретации претендовать на адекватность не могут. Лишь в том случае, когда кто-то назначил одну интерпретацию правильной, остальные все становятся еретическими, но с еретиками, вы знаете, расправляются. Мы работаем в совершенно другой интеллектуальной среде, где приветствуются любые интерпретации, если они не связаны с интеллектуальным ригоризмом, неприятием всех других точек зрения, те, которые способствуют нашему интеллектуальному развитию и пониманию текста, который мы обсуждаем.

После этого я предоставляю слово моему старому другу Александру Николаевичу Ерыгину (**Г.В. Драч.** Не такой уж он и старый.) Старый, уже почти ветхий (*смех*). Не больше десяти минут. (*Шум.*)

А.Н. Ерыгин. За десять минут много не скажешь. И автору рассказать о своей книге трудно, и прочитавшему ее, который может попасть в ситуацию неточностей интерпретации, тем более трудно. Поэтому я кратко остановлюсь на общей оценке книги и тезисе, который возник в связи с моими вопросами.

Виктор Павлович во вступительном слове назвал ее «первой монографией о Петрове». Можно эту самооценку принять, но справедливо и поставить вопрос. Я думаю, все четыре

¹ Все письменные отзывы на книгу В.П. Макаренко опубликованы в начале рубрики «Навстречу юбилею М.К. Петрова», в этом номере журнала. – *Ред.*

книги о Петрове, которые вышли – С.С. Неретиной, Ю.Р. Тищенко с В.Н. Дубровиным, общая книга под редакцией С.С. Неретиной, где все эти авторы участвуют, в 2010 году вышедшая, и новая книга Виктора Павловича – четвертая в этом списке – все стоят в одном ряду. Хотя книга Макаренко из них выделяется.

В каком ряду они стоят? Это то, что можно назвать первым приступом или первым подходом к личности, творчеству, идеям Михаила Константиновича Петрова. Как ни обидно его ученикам, до сих пор ни одной монографии о Петрове не появилось. Первые две книги, которые на это не претендовали, и общая большая книга под редакцией С.С. Неретиной коллективной монографией не стала. Даже книга Виктора Павловича первой монографией о Петрове не стала. Это монография, несомненно, – *в связи с Петровым*, но не *о Петрове*.

Именно так – открываешь книгу и просматриваешь ее содержание: сколько там Петрова и сколько не Петрова? Процент сразу показывает: книга, конечно не о Петрове. Правда, автор и не претендовал на то, что это книга о Петрове. Он написал в подзаголовке, что идеи Петрова – это источник мысли. В данном случае сам подзаголовок можно понимать по-разному: то ли это источник мысли Макаренко, который в своих статьях и частях книги отталкивается от идей Петрова. Опираясь на его поведение или имея в виду его понятие об идеях, Виктор Павлович рассматривал интересующие его сюжеты. То ли с какой-то другой еще стороны. Но в центре внимания автора, в заголовке и в выступлении четко обозначена тема научно-технической контрреволюции. У меня появление этого феномена в уме так или иначе связывается с идеями Петрова. Я думаю, что так построенная книга – судя по автору и по ее содержанию, – это очень хорошая и интересная книга, но она не может быть первой монографией о Петрове.

Поэтому мы ждем появления книги, которая, надеюсь, все-таки возникнет и будет посвящена проблемному, содержательному анализу наследия Михаила Константиновича. Пока такой книги в нашей науке нет. Статьи такого сорта – очень небольшое число – есть, но книг нет. Я думал, что это будет такая работа. Но раскрыл, прочитал, понял: Виктор Павлович написал нестандартную, очень оригинальную, очень любопытно построенную книгу – по архитектонике ее, по замыслу, по введению широкого полотна мысли, – ради анализа феномена подавления мысли и духовного оскотления. Все эти термины говорят о некоей духовной, интеллектуальной, научной, научно-технической, гуманитарной контрреволюции и всяческого подавления личности и личностного способа мысли. Это, несомненно, выписано. С этой стороны, с точки зрения основного названия, у меня претензий к книге нет. Хотя я здесь не специалист и глубоко рассматривать эту часть дела я бы не стал. И вот на этом, определив главную заслугу данной работы, остановлюсь.

Теперь перейду ко второй части. По поводу подзаголовка. Вот, например, дискуссия о ментальности. Не вырастает в моем сознании, что эта глава, хотя в целом сама по себе интересная, не притянута за уши. Появляется тема ментальности, Петрову совершенно чуждая, при всем том, что он прекрасно знал современную ему литературу, но тему ментальности в этой литературе он не рассматривал. Вот как Лубский относительно меня сделал замечание, что сам не знал, а сделал то, что Виктор Павлович обо мне сказал, – если у Петрова выход на ментальность не получился, – это может быть. Но сам Петров вводил другие понятия и прежде всего понятие европейского образа мысли. Виктор Павлович к этому апеллирует, когда рассматривает дискуссию Ильенкова и Петрова, и поэтому здесь он совершенно прав. Вот и первое замечание.

Это – самая интересная часть книги. С нее начинается, фактически, подзаголовок – столкновение двух китов, двух гениальнейших ученых, мыслителей, философов второй половины века – Ильенкова и Петрова. Виктор Павлович свое ключевое внимание, пристрастие идей из этих двух отдает Петрову, а не Ильенкову, и он его аккуратно выписывает. Но из

этого образа Ильенков предстает хотя и верно, но карикатурно. Я не сторонник Ильенкова. Но представить Ильенкова так, как он представлен в рамках его спора с Петровым, нельзя. Тем более, что оба автора – если читать подстрочник книги «Искусство и наука» – к концу записей отходят от тех первых оценок, которые даны в начале. Почему так получилось с Ильенковым? – это уже другой вопрос, с мертвого не спросишь. Ясно, что он начинает слишком резко, радикально, неучтиво, незтично, как по отношению к серьезному тексту, так и по отношению к своему бывшему другу.

Все эти замечания были чисто личными. Это Неретина издала книгу вместе с незапланированной публикацией тех записей рецензентов, которые оставили след прочтения книги на полях. Это тоже большой вопрос – об этике издателя. Но из того, что видно в подтексте – я тоже этим занимался и в той книге, которой, надеюсь, скоро выйдет, свои возражения Виктору Павловичу выскажу подробно, – я не вижу такого поворота событий, как его представил Виктор Павлович. Нет жесткого противостояния. Наступает момент, когда Ильенков видит, что он неправильно понял Петрова, ощущает, что надо сдаться и медленно, как я написал на полях, читая книжку, – «шарик сдулся». Что делать, сначала погорячился, потом «сдулся». Потому что все эти претензии навязать истину, на религиозное понимание не имеют почвы под ногами. То есть, все, с чем Ильенков выступил против Петрова, – совершенно не серьезная критика. И он от нее уходит. Но и Петров ироничен и милостив. Он очень хорошо показывает, что друга своего он понимает и в подполье. А вот разница их позиций, конечно, Виктором Павловичем названа правильно. С одной стороны – жесткая, марксистско-ленинская – Ильенкова, с другой – антимарксистская схема Петрова. Это – несомненно.

Но надо было этот сюжет выписать, а он, к сожалению, провисает, в связи с огромным количеством разных замечаний, которые даже, в манере Виктора Павловича, не расклассифицированы, а даны скопом. Не получилось – прекраснейший сюжет, который остался завуалированным. В итоге позиции Ильенкова и Петрова представлены в целом неадекватно. По крайней мере, столь расплывчато, что автору, создавшему этот текст, и читателю этого автора, остается неясным, о чем идет разговор. Ведь состоялся первый великий нелегальный спор двух нелегалов, полулегалов или легалов, – это великое достояние, нам от прежней культуры доставшееся, но позволяющее вскрыть интереснейшие глубины рождения, лабораторию рождения разных идей, которые в этом русле возникли.

И вот из этого спора, по сути дела – переписки через Неретину, началась дискуссия о ментальности. Я понимаю, Виктор Павлович в этом случае занимал особое положение. Я понял, что при публикации его, конечно, обидели коллеги наши дорогие (**В.П. Макаренко**. Кого?), – тебя, потому что у тебя было большое выступление (**В.П. Макаренко**. Где?), – в «Вопросах философии» (**В.П. Макаренко**. А я уже забыл.), – блестящее выступление, совершенно выпадающее из общего круга обсуждений (**В.П. Макаренко**. Спасибо.), а при публикации от него осталось нес-колько строчек, которые совсем не дают представления о позиции Виктора Павловича. Я понимаю, что ты пытаешься взять реванш (**В.П. Макаренко**. Ну какой реванш – двадцать лет спустя... Я не помню, что вчера ел, а ты говоришь о событии двадцатилетней давности. К тому же всем хорошо известно, что в моем характере никогда не было этой черты – злопамятности...), – это же ирония... Но реванш – если вдруг его всерьез делать, – а можно было бы сделать, – то надо делать более развернуто. (**В.П. Макаренко**. Не-не-не... Что за ерунда?) Ну и в этом контексте я сразу говорю о себе – мое время закончилось.

В заключение хочу сказать: я преследовал там совсем другую цель – меня попросили рассказать, в рамках дискуссии о ментальности, что я там думаю о ней, и я сказал то, что хотел сказать, и то, что меня сюда поместили – это уже случайность, а тебя не поместили, а я там поставил тему «Феномен западничества в русской культуре». Не больше. (**В.П. Мака-**

ренко. Так что – не соответствует тоже, что ли?) Из моего текста – там двенадцать страниц и они представлены концепцией, якобы мной придуманной, русского логоса. Там у меня два слова всего.

В.П. Макаренко. Естественно, я не претендую на глобальный обзор темы ментальности. Но у Петрова есть ряд высказываний, объединенных под одной шапкой, я это хорошо знаю и цитирую абсолютно точно. Поэтому нельзя утверждать, что Петров не занимался темой ментальности. Он осознавал ментальное расподобление человечества как угрозу, которая возникает потому, что государства стремятся поставить барьеры научно-технической революции или обратить ее тренды в собственную пользу. Но раз «ментальное расподобление человечества» есть угроза, то это уже программа, о которой мне некогда было писать. Если такая метафора встречается у Петрова – а метафора выполняет важные, прогнозирующие, аналитические задачи, – то правомерно ли будет следствие: Петров считал, что ментальность человечества едина? Если дать положительный ответ на этот вопрос, то всякие утверждения о том, что ментальность существует в национально-государственных формах, является ложью или идеологией. А ведь именно такая точка зрения сегодня присутствует в большинстве литературы по ментальности, и тебе это очень хорошо известно. Подчеркиваю, что перспективу ментального расподобления человечества Петров воспринимал как угрозу, и много писал о ней. Это первое.

Второе. По поводу издания книжки – «Искусство и наука», с комментариями Ильенкова. Спасибо, Саша, что ты меня натолкнул на идею. Действительно, издание этой книжки с высказываниями Ильенкова по поводу текстов Михаила Константиновича – не является ли это воспроизведением практики, которую мы с молоком матери – я имею в виду идеологическое молоко – впитали? Мы все изучали 29-й том Ленина – «Философские тетради». А ведь том издан с текстами, которые Ленин не собирался публиковать. Там много вещей – я их навсегда запомнил, по поводу Гегеля: «бога жалко», «сволочь идеалистическая» и тому подобные высказывания (**А.Н. Ерыгин.** Это вначале, а потом...). Может быть, Ильенков воспитывался в этой практике? Может быть, при написании заметок на полях книги Петрова он вдохновлялся текстом «Философских тетрадей»? Но в данном случае Гегелем выступает Михаил Константинович, а Ильенков – Лениным? Вот вопрос какой. Я на него ответа не знаю. Но издание с такими комментариями – аналог этому есть, начиная с «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тетрадей» Ленина. А Ильенков (особенно в книге, посвященной «Материализму и эмпириокритицизму») считал себя «верным ленинцем». Вот о чем идет речь. (**А.Н. Ерыгин.** С той маленькой разницей, что Петров – не Ленин.) Ну, понятно – не Ленин, но сейчас они для меня равны, как авторы. (**А.Н. Ерыгин.** Это другой вопрос. Как авторы, они не равны, Петров – гений.) Подожди, а то мы беспредметный спор затеем – гений, не гений... Я имею в виду издательскую практику и говорю о стереотипах издательской практики и даже рефлексии. Таков второй пункт.

И третий – я сейчас не буду об этом распространяться – по поводу жесткого противопоставления марксизма и антимарксизма. Это вопрос дискуссионный... Мне ближе точка зрения Юрия Романовича Тищенко: я все-таки считаю, что Петров был марксистом. А вот каким марксистом – это уже предмет дискуссии.

Г.В. Драч. Уважаемые коллеги, спасибо Виктору Павловичу, действительно, интересная дискуссия разворачивается. Интересная книга. Я не позволю себе в целом давать ей характеристику. Еще целостного впечатления не сложилось, надо несколько раз книгу прочитать. Поделюсь первыми впечатлениями. У меня создается такое же впечатление, как у Александра Николаевича, что это книга не о Петрове. Эта книга политологическая, с анализом так называемой советской действительности.

Теперь сделаю методологическое замечание. Что такое деконструкция? Это когда мы берем дискурс, т.е. некоторую систему обоснований и доказательств, и вычитываем в них какие-то смыслы, которые сам автор, может, и не имел в виду. Вот что такое деконструкция. В этом смысле Деррида говорил: давайте прочитаем всю европейскую историю, и что мы там увидим? Вместо равенства, справедливости и братства мы увидим там насилие, эксплуатацию сексуальностей и, как писал Фуко, – «надзирать и наказывать». Вот вам вся история европейской культуры. Но это – если подходить с позиции деконструкции. А мы не один век опирались на идеи Просвещения, из которых вырисовывалась колоссальная научная и образовательная парадигма. С опорой на эти идеи были проведены научные революции, созданы научно-исследовательские институты, школа стала подтягивать учеников к научным исследованиям – Сибирская академия наук, и т.д. Все сразу переплетается и становится на свои места.

Виктор Павлович работает в плане дискурсивного исследования, но он проводит деконструкцию идей Петрова. Выискивает в них тот значимый смысл, который был у Петрова. Тем не менее, я, как человек, который его слушал, читал, приходил на лекции, помню совсем другую картину – картину истории европейской философии, истории европейской науки, истории научных революций, которые проходили в Англии, и использование научного опыта в Советском Союзе. Петров – один из людей, которые, вместе с Генрихом Волковым, Ильенковым настаивали на значении науки и научных исследований. То, что говорил в этом отношении Петров, я помню: у него были сетования, что, имея треть научных работников совокупного числа их в мире, Советский Союз производит четверть научной продукции. В то время как Соединенные Штаты, имея четверть научных сотрудников, производят треть научной продукции. В этом плане он представлял угрозу тем социальным слоям, которые видели, что в его словах содержится явный призыв к модернизации социальной системы и ее более эффективному использованию. Но говорить о том, что можно погрузить научные идеи русской науки в определенный культурный контекст, – я такого не помню. Английский опыт был, греческая культура была. А в книге Виктора Павловича я вижу иной контекст: отношение холопства – частный случай универсального феномена рабства. Это не только СССР, это – русская культура, это русская история. Значит, рабство и холопство – вот контекст, в котором развивалась русская наука (**Голос из публики**. Откуда же она могла развиваться?)

Мы с Александром Николаевичем историки. Помним, как нам рассказывали, какое тяжелое было крепостное право. А мы всё ходили и удивлялись, как крестьяне могли дожить до нашего времени. Если такая была вивисекция, если такое было оскотление, – как же множество ученых до сих пор живут? И до сих пор работают? И сохранили светлый ум, научные исследования? Более того, как говорит Президент, на этом капитале еще до сих пор работает наша промышленность. На советском оборудовании, которое производилось на основе этих научных идей, до сих пор еще что-то делается. Вот через два-три года придется о чем-то подумать. А уже и холопства нет, уже ничего этого нет. Однако, меня удивляет другое.

Виктор Павлович пишет: «Ученый, особенно русский, всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом». Ничего себе! Значит, ученый – это холоп. Я бы хотел воспроизвести здесь некоторые классические вещи: Ортега-и-Гассет, который впервые, в более классической форме, описал ученого и «ученое поголовье». В этой связи мне представляется, что здесь есть о чем подумать, тем более, что в работах Петрова совсем по-другому эта ситуация расценивалась. И отношения науки и государства, науки и образования. Именно в этом поле, в этом пространстве Петров, вслед за крупнейшими историками науки, американскими и английскими, рассматривал переход от «малой науки» к «большой науке». Манхэттенский проект, целиком по заданию государства – это был не холопский проект. Это был величайший проект, который принес человечеству, с одной стороны, громадные проблемы –

атомную бомбу, а с другой стороны, уже длительное время человечество обходится без войн. Потому что появился мощнейший фактор сдерживания. Так холопы или не холопы создавали атомную бомбу и многое другое? Я с интересом воспринимаю эту ситуацию, мне кажется, у Виктора Павловича интересные аргументы, но думаю, здесь есть и поле для дискуссии.

А.В. Лубский. Я вижу, возникло какое-то интеллектуальное напряжение – сразу многие захотели выступить. Коллеги, прежде, чем предоставить возможность Виктору Павловичу ответить на замечания (**А.Н. Ерыгин.** Да это не замечания...), ну, размышления, прозвучавшие здесь, я хочу сказать по поводу деконструкции текстов.

Недавно у нас было обсуждение кандидатской диссертации еще вполне молодой и даже симпатичной женщины. Выступает профессор Герасимов и хвалит диссертацию, рассказывает, какая хорошая диссертация, а она сидела-сидела, слушала-слушала и говорит: «Профессор, у меня такого в диссертации нет». (*Общий смех.*) А он посмотрел на нее и говорит: «Вы не понимаете, что вы сделали». (*Смех.*) Вы думаете – он прочел другой текст? Нет, он тот текст читал. Я тоже придерживаюсь той позиции, что нам не следует сегодня заниматься выяснением, чья точка зрения на творчество Петрова правильная – Александра Николаевича, Геннадия Владимировича или Виктора Павловича – давайте признаем все эти точки зрения правильными, даже если они противоречивы. Иначе мы ни до чего не договоримся, а только ожесточимся в дискуссиях. Потому что Петров, слушая нас, очень бы удивился, что мы так трактуем его творчество.

В.П. Макаренко. Вначале скажу по поводу деконструкции. Постмодернистский способ работы меня не удовлетворяет. Я иначе его оцениваю. Чесать меня под постмодернистскую гребенку не надо. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть мою книгу по аналитической политической философии. Никакой деконструкцией Петрова я не занимался. Наоборот, реконструировал те идеи, которых не увидели предшествующие исследователи (а может, увидели, но еще не написали или не успели опубликовать). И так строил свою работу. Насколько адекватно – это тоже предмет дискуссии. Если будут высказаны дельные соображения, я их готов учесть. Ни в коем случае, Геннадий Владимирович, я не вдохновлялся деконструкцией. (**А.Н. Ерыгин.** Да это ясно.)

Второе. Геннадий Владимирович ссылается на Президента, но эта ссылка здесь не работает. Что говорить о Президенте, если нынешний премьер-министр, в лучшем случае, троечник, а то и двоечник, который публично путает идеи Бернштейна с тактикой Троцкого? Между тем в своей книжке «Бюрократия и сталинизм» я обосновал тезис: ссылка на мнение высшего лица государства – запрещенный прием в научной дискуссии. Повторяю: если высшее лицо государства кого-то публично называет троцкистами, говоря, что «движение – всё, основная цель – ничто», то это – абсолютная ошибка студента первого курса. Только двоечник может так сказать.

Третье. Я ссылаюсь на книжку Ричарда Хейли, американского профессора, который занимался конкретным изучением типов холопства в России. Он приводит статистику, сколько километров, в течение зимы, проходили крестьяне для того, чтобы выплатить оброк. Эти данные надо анализировать – соответствуют они или не соответствуют действительности. Хейли в заключении книги показывает, что холопство в России существует и сегодня, особенно во властно-управленческом аппарате государства. Кроме того, достаточно почитать работу Левады, Гудкова, Дубина «Проблема «элиты» в сегодняшней России». Можешь посмотреть страницы 200-202. На основе конкретных социологических исследований там показано, что холуйство остается господствующим типом политической культуры в сегодняшней России. Вот мой ответ. Значит, надо изучать отношение между традиционным российским холопством и современным холуйством.

Г.В. Драч. Но это только точка зрения одного...

В.П. Макаренко. Это не точка зрения, а результаты социологических исследований современного властно-управленческого аппарата России на протяжении последних 20-ти лет. В том числе на основе интервью с его представителями – от заместителей министра до мелких клерков и их идеологической obsługi. В книге «Проблема «Элиты» в сегодняшней России» показано, что из множества типов в государственном аппарате (трудоголика, бюрократа, технократа, серого исполнителя, лизоблюда, карьериста, дурака) в правительство отбирается тип безынициативного приспособленца. Если ты с этим не согласен, то надо анализировать, насколько адекватна программа социологических исследований; давайте устроим тогда дискуссию по поводу программы и книги (**А.Н. Ерыгин.** Не нужно ее обсуждать. Не обижайся.) Я не обижаюсь, но если высказываются такие соображения, то – я – автор, обязан реагировать. Свое дитя – книга – это ребенок – я должен защищать!

Г.В. Драч. И что, ты хочешь сказать, что сразу после этого мы признаем холопство русской культуры?

В.П. Макаренко. Хо-хо, да это не надо признавать (**А.Н. Ерыгин.** Это уже признано?), это всем хорошо известно. (**А.Н. Ерыгин.** Всем хорошо известно?! **Г.В. Драч.** Никому это не известно.) Другое дело, что это нас может возмущать – это другое дело. Можно, наоборот, прославлять холопство, если вам это нравится... (*Шум, общий говор.*)

А.В. Лубский. Коллеги, сделаю маленькую ремарку. Виктор Павлович прямо сказал, что он пытался реконструировать основные идеи Петрова. Мне кажется, претензии на реконструкцию чего-либо уводят нас как раз в сторону от той самой контрреволюции, которую критикует Виктор Павлович. Потому что это претензии на то, что моя точка зрения правильная, а все остальные неправильны. (**Г.В. Драч.** Вот это мы и хотели сказать.) Поэтому я хочу вспомнить известное выражение Павла Флоренского о том, что совокупная истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки. А подобранные их возомнили себя обладателями всей истины. Понятно, что ученый идет в поход за истиной, иначе – какой он ученый? (**В.П. Макаренко.** Флоренский говорил о религиозной истине, ученый ее не ищет) Ну, я сказал – совокупная истина. (**Женский голос.** Он говорил: истина – *естина*, от «есть».) Так вот, если ученый не собирается в поход за истиной, то он и не ученый совсем. Но истина постоянно ускользает от него. Я думаю, обладание осколками истины доставляет ему удовольствие.

Г.В. Драч. Хорошо быть председателем: хочет – говорит, не хочет – не говорит. (*Смех.*)

А.Н. Ерыгин. Можно реплику по ведению? Тут есть небольшая неточность. С точки, в которой находится Анатолий Владимирович, несколько раз прозвучало слово «правильность», «правильно» и т.д. Наука правильностями не занимается. Это имеет строгое логическое содержание. На истину мы все можем претендовать, но она, как ты сейчас удачно сказал, по Флоренскому, может быть, разлетелась на разные осколки, которые собрать трудно. Поэтому никто здесь на истину не претендует; люди высказывают мнения; ради этого мы здесь и собрались. Виктор Павлович написал – мы хотели бы высказаться. Но у меня ощущение, что подавление мысли идет со страшной силой: попытка людям сказать о книге по-товарищески приобретает ситуацию... (**Голос из публики.** Кондец контрреволюции.) Контрреволюции... (**А.В. Лубский.** Я об этом и сказал.) Зависает над нами дамоклов меч... (*Шум, неразборчивая речь.*) ...тут какая-то совершенно новая форма обсуждения книги. О любой книге, которую обсуждают, дают людям высказаться, они высказали автору заслуги и претензии, забыл – и забыл; если не забывает – иди, лечись, еще какая-то возможность есть – таблетки не помогают – выпей водочки и сразу... (*Далее – громко, но неразборчиво. Шум.*)

А.В. Лубский (*перебивает*). Александр Николаевич, спасибо за замечание. Поэтому я, на правах ведущего, и обратил внимание на некоторую ригористичность. Как ваша позиция, так и его позиция...

А.Н. Ерыгин (*перебивает*). А это наше право иметь предел ригористичности вплоть до полного отрицания. Это наше мне-ни-е! Если мы с такими мнениями не нужны, то мы уйдем отсюда.

А.В. Лубский. Я просто работаю в другой парадигме. Я считаю, что мнение свое надо высказать аргументированно. Но к любому оппоненту надо относиться с уважением, уважать его мнение, а не рассказывать, что я вот понимаю так – правильно, а остальное все неправильно. (*А.Н. Ерыгин невнятно возражает.*) Я не акцентирую внимание на этом, но излишняя ригористичность мне бросилась в глаза. (*Долгий шум.*) Давайте послушаем реплику со стороны естественных наук.

Б.В. Владимирский. В создании самолета участвуют два человека – конструктор и летчик-испытатель. У них принципиально разные задачи. Конструктор – он действительно создает, а летчик-испытатель отыскивает слабые места. В конечном счете, самолет, который идет в серию, – это результат совместный. Поэтому мне кажется, что нет претензий, когда человек выступает в качестве летчика-испытателя и указывает на слабые места. От него нельзя требовать, чтобы он выступал с конструктивными предложениями о том, как этот самолет делать.

Петров – распространенная фамилия в нашей отечественной науке. Александр Анатольевич Петров – один из самых выдающихся отечественных механиков и математиков. Он всю жизнь занимался специальными проектами, его фамилия не так хорошо известна, как например, фамилия Андрея Николаевича Колмогорова, одного из величайших математиков XX века. Так вот, когда их не стало, с некоторым отставанием вышли в свет книги-воспоминания учеников Колмогорова и учеников Петрова. Среди них были выдающиеся, первой величины математики и механики. Особенность книги о Колмогорове состояла в том, что ученики, соратники Колмогорова писали о себе, на фоне их великого учителя. А ученики Петрова написали о нем, и то, какое они место занимали. Мне кажется, что когда обсуждаются вопросы, связанные с действительно выдающимися людьми, четко нужно позиционировать себя: ты о себе говоришь, на фоне своего учителя, или об учителе все-таки вспоминаешь.

Я хочу напомнить замечательное место о матери-волчице из книги Чингиза Айтматова. Мне кажется, только восточные люди могут так себя идентифицировать – как животное или какое-то природное явление, и с этой точки зрения рассказывать, кто и что делал. Мне кажется, что когда речь идет о трактовке идей и мыслей, которые автор не прямо высказал, а пишущему кажется, что он об этом думал, – это совершенно замечательно. Если Виктор Павлович обладает такой способностью или воплощением, в образе того или иного философа представить, – тогда он может сказать, что они думали.

Вообще говоря, господа, человеку, от рождения слепому, объяснить, что такое красный цвет, как вы понимаете, невозможно. Поэтому человек, воспитанный в одной культуре, с одним мировоззрением, в попытке интерпретировать то, что хотел сказать другой человек, другой авторитет – мне кажется, это чрезвычайно сложно.

Виктор Павлович, я извиняюсь, у одного знаменитого швейцарского математика было два правила. Первое: глупость аудитории преувеличить нельзя (*смех*), а второе: говорить надо о чем угодно, только не о существе дела, потому что существо дела в аудитории, как правило, интересуется двух-трех человек, которые потом встретятся и расскажут. Мою глупость в том круге вопросов, которые сейчас обсуждают, преувеличить нельзя. Я сказал то, что хотел сказать, что имеет отношение к книжке. Большое спасибо, я получаю большое удовольствие от присутствия в столь высоком интеллектуальном собрании.

А.В. Лубский. Спасибо. Коллеги, я думаю, мы собрались здесь послушать различные точки зрения или мнения по поводу творчества Петрова и Виктора Павловича. Коллеги наши, молодые в том числе, пришли узнать, какие существуют точки зрения, какие могут

быть дискуссии по этому вопросу. Но им хочется, наверное, получить свою точку зрения, да? А она формируется, сами понимаете, не только в результате чтения Петрова. Но и в общении с Виктором Павловичем, Александром Николаевичем, который формирует ту самую ментальность, благодаря которой интерпретируются сами книги Петрова. То есть, наша цель – вполне интеллектуальная. Выслушать мнения и попробовать как-то переосмыслить свое отношение к творчеству Петрова, насколько мы его понимаем. А может, нам надо переинтерпретировать некоторые наши представления в свете того, что здесь говорилось.

Г.В. Драч: Но Климову обижать не надо!

Ю.Р. Тищенко: Уважаемые коллеги, книга Макаренко сегодня – луч-шее из того, что написано о Петрове. Лучшее потому, что здесь содержательно и дерзко обсуждаются проблемы взаимоотношений науки и власти. Автор сумел показать, что его собственный критический анализ научно-технических и политических проблем сегодняшнего дня в значительной степени инициирован идеями М.К. Петрова.

Я остановлюсь на двух вопросах: оценка книги; так называемая дискуссия между Петровым и Ильенковым. «Так называемая» значит, что ни о какой дискуссии речи не было.

Название книги Виктора Павловича – краткое, интригующее, красивое, взрывное. Ни один читающий человек (даже газеты), двадцатилетнего и больше возраста, не может пройти мимо названия. Потому что все привыкли: «научно-техническая революция», «научно-техническая революция»... И вдруг такой пассаж. Я ошалел, когда услышал впервые название доклада. Спрашивал Ерыгина: где Макаренко взял этот термин? Потому что имел в виду текст Михаила Константиновича. Мне казалось, что в его текстах я такого термина не встречал. Поэтому книга уже с заголовка притягивает и вызывает симпатию, разжигает интерес. Возникает интрига, нужно внимательно читать, что же хочет сказать этим названием автор.

Прочитав книгу, я прихожу к выводу: она заслуживает очень высокой оценки. Эта книга имеет полное право стоять в ряду книг, написанных выдающимися авторами. С моей точки зрения, в книге Виктора Павловича даётся критика западной культуры. Россию я отношу к западной культуре. Речь идет о критике капитализма, начиная с середины девятнадцатого века по сегодняшний день. Этот ряд книг представлен именами Маркса, Ницше, Шпенглера, Макса Вебера, Гуссерля и Хайдеггера. Книга Макаренко стоит в этом ряду.

Это ряд книг, которым обозначена самая глубокая критика существующего общества и культуры. Заслуга Виктора Павловича в том, что он берёт из этой глобальной проблемы один вопрос: взаимоотношение науки и власти! Сосредоточивает свое внимание именно на этом вопросе. То, что он делает в своей книге, заслуживает самой высокой оценки.

Другой момент, о котором я обещал сказать. Я обратил внимание на эту сторону, потому что на двадцать седьмой странице книги автор почему-то пишет: «трудно объяснить, почему существует противодействие идеям Петрова среди его философских коллег». Прежде всего, хочу заявить: никакого противодействия коллег по цеху в отношении Петрова не было. Речь идёт о критике, которая осуществлялась в связи с его повестью «Экзамен не состоялся». В этой книге было два коллеги, один философ, другой литературовед, разумеется, с указанием фамилий, которые я воспроизводить не буду. Поразительно то, о чём я не могу не сказать: в персональном деле Петрова (его исключили из Коммунистической партии Советского Союза за написание этой книги) есть формулировка, которую я знаю почти наизусть, но сейчас я не буду воспроизводить. Она была дана вначале в Ейске, потом в Ростове, потом по второму кругу пошла и так далее. Я держал в руках его персональное дело. До сих пор не могу оправиться от шока, который я получаю почти всю жизнь... Александр Николаевич, что вы там всё время записываете?

А.Н. Ерыгин: Я всегда записываю всё, что происходит. (*Неразборчивые реплики.*)

Г.В. Драч (А.Н. Ерыгину): Ты смотри, а то попадешь в монографию!

А.Н. Ерыгин: Я уже попал!

Ю.Р. Тищенко: Начиная с обвинений, которые были предъявлены партийной первичной организацией Ейского лётного училища, и кончая Ростовским областным комитетом КПСС (а было ещё много инстанций до областного комитета партии), фигурировали те же фразы и формулировки, и общий дух того, что было в трёх рецензиях наших коллег. Одного из них Михаил Константинович знал лично. В своё время это было достоянием всех и вся. Но сейчас нет необходимости это имя называть.

И.Д. Коротец: Но он из Ростова?

Ю.Р. Тищенко: Он не только из Ростова, а из Ростовского университета.

Реплика из зала: Мы его знаем.

Ю.Р. Тищенко: И я его знаю хорошо. Так вот! Какое противостояние? Противостояние этих двух рецензентов тому, что было написано в повести, потом безграмотная интерпретация во всех инстанциях того, что было написано в этих рецензиях. Потом вердикт: «исключить» за написание книги, в котором то-то и то-то переписывалось из рецензий.

Другой факт, когда мы имеем в виду определенный текст и отношение к этому тексту. Это статья М.К. Петрова «Предмет и цели изучения истории философии» в журнале «Вопросы философии». Обсуждение этой статьи состоялось на заседании учёного совета Института философии Академии Наук СССР, с заголовком и докладом «Проблема историзма в историко-философском исследовании». Я (вместе с В.Н. Дубровиным) специально на эту тему писал предисловие к одной из книг Михаила Константиновича. Он писал статью на эту же тему, которая была опубликована в так называемых «голубых книжках» под редакцией А.Н. Ерыгина. Я не имею сейчас возможности воспроизводить интересные моменты, факты, к которым я пришел, читая потом через месяц-два великолепную статью, иначе и не назовёшь. Это была не просто информашка, а большая статья Ц.Г. Арзканянца, заведомо истории философии журнала «Вопросы философии». Наши студенты должны знать эту фамилию. Он воспроизвёл от начала до конца всё, что происходило. Выступало девять или десять человек. Все выступления были поданы аккуратно. Из них два человека очень жестко отозвались о проходящей дискуссии. Это Субботин – известный историк философии, а также известный всем (не только в философских кругах) Мераб Мамардашвили. Мамардашвили сказали, что вместо того, чтобы заниматься серьёзными вопросами, которые поставлены в статье Петрова, выступающие коллеги ограничиваются навешиванием ярлыков и оценок ему и своим коллегам. Субботин сказал: то, что происходит на моих глазах, вообще ни на что не похоже, не соответствует элементарной логике, потому что обсуждаются не положения статьи Петрова, а те интерпретации этих положений и выдумки, которые принадлежат выступающим, которые они обнаруживают, а потом начинают критиковать.

Всё это написано в журнале «Вопросы философии» № 9 за 1969 год. К сожалению, у меня его украли. Я отдал номер одному своему бывшему студенту, который написал великолепную статью в «Комсомольскую правду» о Петрове. Потом кинулся, но было поздно, – он не отдал все документы, которые брал. Видите, как относились коллеги?

Очевидно, любому читающему не надо знать Петрова, а нужно знать дух эпохи. Для этого надо внимательно читать статью. Все выступления на совете в Институте философии АН СССР против Петрова инспирированы, это совершенно очевидно. Прежде всего, там демонстрировался один тезис в качестве жупела. Правда, этот тезис Петрову не принадлежит. Он подвергал его критике в одной из больших фундаментальных статей. Его обвиняли в «европоцентризме», ни больше, ни меньше. Это было абсолютно придуманное основание, которое приводила эта семёрка. Вот каким было отношение философского сообщества.

Теперь самое главное. Давайте назовём друзей Петрова, которые к нему великолепно относились. Это – Ильенков, Мотрошилова, Швырёв, Замошкин, братья Юдины, один сейчас

член-корреспондент Российской академии наук, Блауберг, масса других людей. Я назвал только друзей, а сколько было знакомых! В своё время на дне рождения Петрова я повесил на доске его кабинета таблицу, где перечислил всех, кто там бывал. И насчитал больше двадцати человек. Из них 15-20 – известные в философии и выдающиеся люди. Так что или я не понял фразу Виктора Павловича на двадцать седьмой странице: «Трудно понять противодействие идеям Михаила Константиновича внутри философского сообщества» или автор говорит не о том, о чём я сейчас говорю. Здесь какая-то подмена происходит. Я исхожу из того, что коллеги в целом к нему относились очень хорошо.

Не буду дальше распространяться на эту тему, перейду к так называемому спору! Пометы на полях, как бы их не называли, воспроизведены редактором книги и издателем С.С. Неретиной. Прочитав эти ремарки, добросовестному читателю, даже философски образованному, имеющему соответствующую квалификацию (в виде кандидатской, докторской или академической степени), все сразу станет понятно. Если же эти люди, ссылаясь на своё знание или понимание, будут утверждать, что здесь есть спор, – они не правы. Они заблуждаются потому, что не знают: никакого спора не было! Был один-единственный спор между Ильенковым и Петровым. Когда глухих детей научили говорить, а трое-четверо из них стали докторами психологических и философских наук. С этими ребятами Ильенков приезжал в Ростов, их показывал, демонстрировал. Многие наши бывшие студенты поддерживают с ними отношения. Кстати, много бывших студентов философского факультета работают в Москве и занимают там не последнее место. Входят в редколлегии журналов, например, «Логоса». Многие знают ростовчан – это высокий статус философского факультета.

Так вот, один-единственный спор происходил не публично, а всегда приватно. Он состоялся в квартире Петрова или в Алма-Ате. При мне, во всяком случае, два, три или четыре раза. Петров очень снисходительно, шутливо и вместе с тем едко говорил: «Ну, научил ты, ну, будут маленькие Ильенковы, вот ты был у нас один Эвальд, а они целое племя, весь детский сад – это маленькие Эвальды будут! Почему!? Потому что нельзя вырастить самостоятельного человека. Нельзя добиться каких-то глубоких знаний в познании окружающего мира без чувственной эмпирической стороны познания и дела. А ты что утверждаешь!? Ты как был гегельянцем, так им и остался. Вот, ты закопал жёлудь, вырос дуб. Так и ты здесь думаешь, что это новые, культурные, сверхобразованные, самостоятельные люди. Они новые, культурные, но ничего самостоятельного они сделать не смогут!» Вот об этом был спор. А всё другое – не спор. Чтобы не называть вещи своими именами, потому что не всегда это приятное занятие. Тем более что тебя могут, в значительной мере, всё ещё несправедливо рассудить. Но для оценки существующего положения, связанного с этими пометами на полях, я воспроизведу выступление, которое в письменной форме до меня известно в разных местах.

Во-первых, в одной из книг Феликса Трофимовича Михайлова. Великолепный философ, он, к сожалению, умер. Это настоящий друг Эвальда Ильенкова и одновременно очень близкий Михаилу Константиновичу человек. Я воспроизведу в двух-трёх словах его воспоминания, которые имеют отношение к делу. Коснусь эпизода, который нам в данном случае интересен. Михайлов говорит: «Речь идёт о нашем авторе (здесь он замечает в скобках: фамилию я называть не буду, это талантливейший человек, его все знают, – в скобках, – не просто талантливейший – это гений!) И я его тоже люблю, я им восхищаюсь». И это старый, действительно надёжный друг Петрова.

А сейчас я хочу рассказать вам развернутую оценку того, что опубликовано Неретиной. Примечание на полстраницы. Воспроизводить это не буду, потому что это было бы не только неуместно, но и смешно. Вот он оценил высоко Петрова, потом сообщает читателям о том,

что Ильенков, Петров, Арсеньев и он – Михайлов (вначале на квартире Михайлова, потом на квартире Арсеньева), обсуждали статью Петрова, которая опубликована как «Искусство и наука». Насколько я понял, уже тогда были соответствующие пометки. По отдельным репликам можно понять. И что же из этого получается? Как оценивает Михайлов эти пометы Ильенкова на тексте Петрова? Он говорит, что был глубоко потрясён тем, что Ильенков употребляет такие выражения, которые были бы уместны не ему, а представителям философского официоза или какого-то партocrата, представляющего марксизм-ленинизм. Заранее говорю, что он потом находит ход, когда пытается в прежней ситуации защитить Ильенкова, если не защитить, то объяснить, почему Ильенков дожил до жизни такой. Он говорит о замечаниях, которые были сделаны во время этого обсуждения. Он заявляет: всё, что было сделано устно, полностью соответствует тому, что было написано на полях. Он говорит, что Петров реагировал очень сдержанно, отвечал иногда короткой репликой или взглядом и вёл себя очень сдержанно. Я, конечно, мог что-то упустить. Кому интересно, можете сами прочитать.

Михайлов говорит также о другой ситуации, которая произошла несколько позже. Я думаю, присутствующая здесь философская публика знает, что Ильенков незадолго до смерти написал брошюру, посвящённую материализму и эмпириокритицизму Владимира Ильича Ленина. С моей точки зрения, в тот период оттепели, второй или третьей, это уже была ситуация, которая с точки зрения профессионала была невозможна! Потому что Ленина как тогда, так и сейчас, или как сейчас, так и тогда, уже за философа никто всерьёз не считал. И вдруг Ильенков пишет! Это удивило многих. Я не знал, как относится к этому Михайлов, как относится третий, четвёртый, пятый. Я просто взял в руки книгу, потом оказалось, что моё впечатление от этой книги совпадает с теми отрицательными отзывами, которые, наконец, дошли из Москвы, передаваемые изустно.

О чём рассказывает Михайлов? Он говорит, что пришёл к Эвальду, тот был в очень плохом состоянии. Михайлов спрашивает, в чём дело. Да вот, – говорит, – были у меня сейчас двое. Называет фамилии. Михайлов фамилии не приводит. Но замечает, что один – настоящий друг, которого Эвальд ценил и любил, а другой лишь демонстрировал, что он друг. Ильенков воспроизводит, что они подвергли критике его книгу, не оставив камня на камне. Причём, они прямо сказали, что эта книга, по существу, написана для того чтобы избежать репрессий, что она носит откровенно характер мимикрии, употреблялись ещё какие-то подобные выражения и слова. И Ильенков с горечью говорит: «Неужели это действительно так, неужели книга воспринимается так, что я, пытаясь уйти от репрессий, возможных репрессий, написал эту книгу?» Вот так, эпизодами, я полностью не могу воспроизвести.

Моя цель одна – выразить свою точку зрения: никакого действительного неприятия со стороны философов-профессионалов или любителей по отношению к Петрову не было. Его чуть ли не на руках носили, его любили, но не за книги, которых не было. Петров ездил на все конференции, участвовал в семинарах, специально ездил на все семинары, которые были в Институте философии, в Институте психологии, в других институтах. Его вся публика знала. Сейчас появляются воспоминания, в которых говорят о Петрове в восторженных тонах, что он был кумиром, что с любовью к нему относились. Его тогда не знали как пишущего автора, но знали как трибуна, который выступал на многих конференциях.

Я не буду распространяться, потому что чувствую, что и так уже заговорился. Скажу в заключение об одном, о чём не сказать нельзя. Мы сегодня, и не только мы, здесь сидящие, я уверен, что большинство здесь сидящих, если не все, очень критически относимся к современному политическому положению в стране, какую бы позицию не занимали. Мы достаточно критически относимся к тому политическому режиму, который пришёл на смену советскому режиму. Одни критикуют, другие относятся терпимо, третьи защищают, четвертые вообще эту тему не поднимают. Но я скажу, что есть одно абсолютно неоспоримое преимуще-

ство сегодняшнего режима. Почему? Потому что наш автор здесь и сейчас находится с нами. При советском режиме, не только бы этой книги не вышло, но и Макаренко бы не было уже, гарантирую вам, на свете. Не то что сослани бы, а по дороге убили бы или в каком-нибудь изоляторе избили бы до полусмерти. На этом я закончу.

Н.Е. Ерохин: Надо посмотреть, какова будет ситуация через полгода. (*Смех.*)

А.В. Лубский: Коллеги, было очень познавательным выступление Юрия Романовича. В социологии есть метод включённого наблюдения, который позволяет получить субъективную, но очень ценную уникальную информацию. Эта информация для размышления представляет больш-ую ценность.

А.М. Старостин: Уважаемые коллеги, постараюсь быть кратким, ограничусь заметками, не претендуя на связность, целостность. Книга очень интересная, остроактуальная. Причина актуальности – кризис общества, кризис современной науки, неясность будущих стратегий. В то же время запрос на выход из кризиса адресуется в область науки и техники. В России нет целостной концепции науки, научно-технического прогресса. В развитых странах мира опора производится на тот или иной прикладной аспект науки. Эта ситуация говорит, что без хорошей теории хорошей практики не получится. Автор попытался объединить существующие под-ходы в новую категорию. Правда, логической проработки ещё не получилась, больше метафорическая. Но суть некоторых процессов книга отражает. В последние 30-40 лет в области науки, в связи с развитием промышленности, техники происходит ряд интересных вещей. Например, в 1960-70-е гг. 80% государственных ассигнований на науку, вложения в кадры, в экспериментальные, фундаментальные исследования, шло по области физики, химии, астрономии, космических исследований, а на остальное 20%. Сейчас – наоборот: в традиционные области идет 20% ассигнований и подготовки кадров, а лидируют так называемая группа НБИКС технологий. Нано, био, информационные, когнитивные... Чем это объяснить?

Г.В. Драч (*перебивает*): Политология хорошо проплачивается.

А.М. Старостин: Ну, это последняя буква – статья на гуманитарные науки.

В.П. Макаренко: Проплачивается только сервильная политология, Гена...

А.М. Старостин: Это смещение произошло на глазах одного поколения. Оно объясняется только естественными причинами, или же факторами, о которых пишет автор? Почему произошла резкая смена такого лага? Я изучал и защищался в области больших научных проектов, космических исследований. В 1970-е – 80-е годы люди из этой системы говорили: погодите, через десяток-полтора лет наука резко изменит свой лаг. От экспансивного курса она сменит своё развитие на интенсивный курс. От внимания к проблемам мегамира, микромира переключится на проблемы человека. Это случилось. Второй пример – крах советской науки. Почему? Здесь цитировали Петрова: советская наука недостаточно производительна, резко уступает американской. В СССР существовал огромный военно-промышленный комплекс, частью которого была наука. Но теперь мы уступаем во многие разы. И наука как бы не нужна!? Какие-то смехотворные деньги выделяются на её развитие. Корпоративной науки у нас не сложилось, вузовская наука в зачаточном состоянии, академическая наука поддерживается как бы так себе, от прежней науки осталось четверть. С чем связан этот феномен? С контрреволюцией научно-технической или с какими-то другими факторами?

Чтение книги В.П. Макаренко для меня было сложным по двум основаниям. Первое – она достаточно оценочная, моя позиция отличается от неё. Поэтому было внутреннее сопротивление, внутренний протест. Но потом думаю: я почитаю, что думает Виктор Павлович. Вторая трудность была связана с тем, что автор взял определённый ракурс рассмотрения. Я ему уже задавал вопрос о новом целостном образе науки. Это несколько сбивает, когда мы говорим о научно-технической революции, но не говорим ни слова о ее когнитивной состав-

ляющей. Об идеях, которые есть в физике, биологии, информатике, проблемах искусственного интеллекта, и они образуют все эти революции. То есть, мы как бы это отодвигаем, а рассматриваем больше контекст, тот питательный бульон, в который погружена наука. Наверное, автор имеет такое аналитическое членение и считает, что именно в этом звене происходят наиболее болевые вещи, да? Возьмем национальный вопрос, он что – индикатор или суть этих конфликтов, так может быть и здесь происходит?

Ещё замечание. Есть книги, которые дают новое знание, и книги, которые открывают новые проблемы. Есть два аспекта науки – производство проблем и производство знаний. Я думаю, Виктор Павлович производит проблемы. Меня книга заставила обратить внимание на то, что в нашей практике не работает, и никто на это не обращает внимания. Обращаются к каким-то прикладным, административным вещам в области стратегии развития науки и научного знания, нежели к существу дела. А идейная основа петровской концепции достаточно богата, не знаю, насколько она впишется в современную научную лексику, понятийный строй. В этом я вижу ценность данного исследования.

Я хочу поздравить автора с тем, что ему удалось – не в виде набора статей, а достаточно целостного исследования по теме научно-техническая контрреволюция, – вбросить термин, который будоражит и провоцирует. Хотя, наверное, интересно послушать людей, которые хорошо знали Петрова, хорошо знали эту кухню. Здесь присутствуют несколько ее представителей. Эту науковедческую школу тоже нужно знать и написать об этом. Люди уходят. Когда-то науковедение в СССР было пионерским и шло на одном уровне с тем, что делалось в Европе и в США. Сегодня знание в этой области куда-то отстывает. Мне кажется, нам важны пророки в своём отечестве! Их слишком мало! Не важно, называем ли мы Петрова философом, науковедом или ещё как-то, может, он лингвист гениальный, или художник, как говорится, пусть и не непревзойдённый, но значительный, это целостная личность. Потому такие пророки нужны нашей практике. Это ещё один аспект, попытка дать своё видение, реконструкцию этого идейного наследия, обратить внимание на одну из научных школ, которые были, надеюсь и остались.

Л.Г. Берлявский: Коллеги, я согласен полностью с предыдущими выступающими, что жанр книги своеобразный. Это поисковая, несколько провокативная книга в хорошем смысле слова. Она больше ставит проблему, чем решает. И это тоже необходимо. Актуальность не вызывает сомнений. Как недавно сказал академик Дынкин, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН: мимо нас прошли пять научных революций, научно-технических. Вот первая (*показывает мобильный телефон*). Вторая – в строительстве, третья в автомобилестроении, и ещё две. Поэтому те проблемы, которые ставит Виктор Павлович, необычайно актуальны. Хотя мне показалось, что главная тема книги, как сказал нам сегодня автор, анализ форм подавления мысли. В большей степени этот контрреволюционный аспект пока только заявлен, до конца не всегда ясен. Например, на странице 162 автор пишет, что надо бы рассмотреть уголовную историю советской науки как пример научно-технической революции. Вот эти элементы концепции разбросаны по всему тексту. Не всегда ясно можно уловить смысл.

Собственно говоря, в центре внимания автора роль государства в организации науки. То, о чём писал Лорен Грэхем в своей статье «Устойчива ли наука к стрессу», и другие науковеды. Это очень интересно, автор приводит несколько моделей, которые продуктивны для мышления. Например, модель отношения между культурой, философией и политикой, которая сложилась в 1920-30-е годы. Модель взаимодействия учёного и власти. Я напомним, как в этих стенах была хорошая дискуссия на тему «Учёный и власть» с Колчинским Эдуардом Израилевичем. Благодаря Виктору Павловичу, мы обсуждаем эти проблемы!

Не во всём могу согласиться с его определением современной науки как воплощения английского колониально-имперского подхода, французского революционно-бюрократического, и российского самодержавно-бюрократического. Такое определение автор даёт на странице 148-й. Мне кажется слишком механистическим сведение всех этих черт. Кстати, черты были обоснованы Колчинским, но в большей степени они звучат как метафоры. Есть американский вариант развития науки и германский вариант, они отличаются от этих.

Одно пожелание Виктору Павловичу, если он согласится, может не соглашаться, это его дело как автора. Часто трудновато читать первый раздел и реферативно-текстуальный пласт, о котором вы пишете. Очень серьёзные экскурсы, но они не всегда по теме.

Например, критика генерала Николаева и его работы 1998-го года. Римляне говорили: «Орёл не ловит мух». Генерал Николаев и его книга – это не актуально и всё это уже не то! Школа Анналов представляет интерес, но стоит ли уделять ей такое колоссальное место? Не знаю. Тем более что этими проблемами она, на мой взгляд, совершенно не занималась.

В.П. Макаренко: Кто?

Л.Г. Берлявский: Школа Анналов

В.П. Макаренко: Какими?

Л.Г. Берлявский: Научно-технической контрреволюцией.

В.П. Макаренко: А, понятно!

Л.Г. Берлявский: В большей степени школа Анналов интересует философов. Историки к ней относятся как к одной из школ. Они издают журнал с 1930-х годов. У них и другие школы есть, пять-шесть школ сложились. Вот это в плане пожелания. В целом, в хорошем плане провокативная книга, которая заставляет мыслить. Мы с вами здесь участвуем в процессе рождения мысли, по поводу того, что нам сказал автор. Спасибо ему!

А.В. Лубский: Спасибо вам! Профессор Берлявский – один из специалистов по истории науки в СССР. У него докторская диссертация была посвящена этой теме.

А.В. Берлявский: Да, а Анатолий Владимирович – мой уважаемый рецензент в журнале «Клио».

Н.Е. Ерохин: Я человек впечатлительный! И потому записал то, что хотел сказать, до того как услышал блистательные речи своих блистательных коллег. Поэтому я в течение двух минут прочту то, с чем я сюда шел, Виктор Павлович.

Г.В. Драч: В стихах?

Н.Е. Ерохин: А?

Г.В. Драч: Николай Ефимович, вы обычно в стихах излагаете.

Н.Е. Ерохин: Нет! В этот раз нет. Но это поэзия тоже. Я когда беру любую книгу Виктора Павловича, во мне сразу возникает такой мотивчик: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». (Смех.)

В.П. Макаренко: Не понял! (Реплика из зала: Это Высоцкий.)

В.П. Макаренко: А! Понятно!

Н.Е. Ерохин: Так вот! Я убеждён, что у книги два героя. Петров – философ и Макаренко – автор. Я согласен с Александром Николаевичем, что одна четвёртая Петрова и три четверти автора, но это, как говорится, их дела. Но оба они, и Петров, как я понял по Юрия Романовича выступлению блистательному, и как я понимаю Виктора Павловича, оба они из отряда прямо ходящих, прямо глядящих, прямо говорящих.

В.П. Макаренко: Приматов!?

Г.В. Драч: Буйных!

Н.Е. Ерохин: Но все замечания, которые я сегодня услышал, есть следствие величайшего дикого темперамента, который живёт в Викторе Павловиче, как в учёном и как в публицисте. В нём публицист и аналитик в нерасторжимой связи находятся. Он просто виб-

рирует нежностью, когда говорит о Неретиной. Но совершенно меняется позиция, когда Виктор Павлович держит в руках холодный скальпель аналитика. Когда бомбы, Холловэй, ноосфера Вернадского. Или я встречаюсь с сарказмом публициста, когда он уделал, другого слова не скажешь, Запесоцкого.

Ю.Р. Тищенко: О! Это классика!

Г.В. Драч: Ничего, Запесоцкий ему этого не простит.

Н.Е. Ерохин: На этом я ставлю точку, чтобы сказать: Виктор Павлович, ты написал изумительные по научным и по гражданским позициям предисловие и послесловие. Они сами по себе самодостаточные и прекрасные, это литературные и публицистические вещи. Поэтому я завершаю своё выступление кратким, очень личным признанием. Бог даст, я в этом году закончу свою большую книгу, называется она «В окрестностях последнего одиночества». Наши пути с Виктором Павловичем пересекаются последний год достаточно плотно. Виктор Павлович, буду просить твоего согласия на написание предисловия к моей новой книге, буду счастлив, спасибо тебе.

В.П. Макаренко: Спасибо!

А.В. Лубский: Коллеги, есть ещё желающие выступить? Тогда будем подводить итоги. Я думаю, обсуждение книги Виктора Павловича Макаренко держало нас в том интеллектуальном тоне, который порождал мысли. Это первое! Второе, слава богу, что не удалось присвоить наследие Михаила Константиновича Петрова никому из присутствующих в этом зале, это тоже благо...

И.Д. Коротец: Разделили поровну.

А.В. Лубский: Нет, присвоить, я говорю не делить, а присвоить. И третье: вот мой друг Николай Ефимович сказал: побольше бы таких хороших книг и разных...

Г.В. Драч: И четвёртое, я бы не сказал, что это Хайдеггер или Гуссерль, но Макаренко – это наш русский Мишель Фуко... (*Шум.*)

А.В. Лубский: В общем, они пришли к консенсусу: Виктор Павлович глубоко копает... Теперь я складываю с себя полномочия, хочу предоставить слово Виктору Павловичу, чтобы он выразил вам свою признательность.

В.П. Макаренко: И на этом закончим?

А.В. Лубский: Да!

В.П. Макаренко: Ну, хорошо! Я хотел проанализировать весьма продуктивные идеи, высказанные Александром Павловичем Огурцовым, Светланой Сергеевной Неретиной, Владимиром Натановичем Порусом, Антоном Николаевичем Олейником в ходе анализа моего несовершенного произведения. Прореагировать также на выступление Юрия Романовича Тищенко, затронувшего не менее интересные темы. Приходится оставить это на потом. Сердечно благодарю всех коллег! Кто не успел выступить, прошу прислать по электронной почте тексты своих выступлений.

Г.В. Драч: А ты нас не записывал?

А.В. Лубский: Всё записывается.

В.П. Макаренко: Мы всё опубликуем.

Г.В. Драч: А ты не сможешь мне прислать моё выступление, я корявости уберу?..

А.Н. Ерыгин: Испугался!? (*Смеётся.*)

А.В. Лубский: Потом мы чуть-чуть подправим. (*Смеётся.*)

В.П. Макаренко: Опять сбили меня с панталыку! В таком случае, объявление. Центр политической концептологии, при участии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Научно-исследовательского университета – Высшая школа экономики», проводит российско-украинскую конференцию с международным участием «Русская власть и бюрократическое государство». Конференция состоится 26-го – 28-

го марта в этой библиотеке. Приезжают интересные люди, во главе с академиком РАН Юрием Сергеевичем Пивоваровым.

Г.В. Драч: Это тот Пивоваров, который призывал Россию встать на колени и покаяться?

В.П. Макаренко: Дело хозяйское, кто верит – может каяться. Иные нераскаянными умирают. Это свобода совести...

Н.Е. Ерохин: Виктор Павлович, когда ты болезненно реагировал на критические стрелы, я хотел напомнить тебе исторический факт. Лев Николаевич Толстой и его роман «Воскресенье» был подвергнут уничтожающей критике...

В.П. Макаренко: Ну, ясное дело.

Н.Е. Ерохин: Не так сцена поставлена, не так поиск идёт... (*Шум.*)

Г.В. Драч: Так вы хотите сказать – это ещё и наш Толстой?

Н.Е. Ерохин (*Г.В. Драчу*): Подожди! Ему задают вопросы, а он соглашается. А образ Анны Каренины с кого писали? Он говорит, с себя. Говорит: «Так, так, так, так, согласны? Согласны. Но тогда надо написать новый роман». (*Смех.*)

А.Н. Ерыгин: На философском факультете 26 апреля проводятся очередные «Петровские чтения». Там у нас будет одна секция – любые доклады. А кафедра истории философии предлагает основную секцию: «Историко-философские исследования Михаила Константиновича Петрова».

В.П. Макаренко: Спасибо. В таком случае, разрешите мне сердечно поблагодарить всех присутствующих. Председателя особо поблагодарить. На этом наше заседание завершается. До свидания! (*Общие аплодисменты.*)